

ТОЛСТОЙ

О СТУДЕНЧЕСКОЙ СТАЧКЕ 1899 г.

ПИСЬМО Н. М. ЕЖОВА к А. А. СУВОРИНУ

Сообщение Н. И. Гитович

В начале февраля 1899 г. в Петербургском университете началась студенческая забастовка. Поводом к ней послужило объявление ректора, вывешенное в университете в связи с предстоявшим 8 февраля празднованием годовщины основания университета. Ректор предлагал студентам не нарушать в этот день «общественной тишины и порядка», разрушителей же грозил привлечь к суду по статьям уголовного кодекса и перечислял эти статьи. На другой день (4 февраля) объявление было напечатано в отделе хроники суворинского «Нового времени».

Находя оскорбительным для себя «объявление» и способ его опубликования, студенты резко выразили свое негодование. Появление ректора на торжественном акте 8 февраля было встречено шумом и свистом. Акт был сорван, и студенты начали расходиться. Но полиция по заранее полученному приказу преградила студентам путь. Сопротивлявшиеся были избиты. Возмущенные студенты прекратили посещение лекций и потребовали гарантии их личной неприкосновенности. Последовавшие полицейские репрессии вызвали присоединение к забастовке студентов сначала других петербургских, а затем и всех высших учебных заведений России.

События получили широкий отклик общественности. Появление в «Новом времени» (21 и 23 февраля) «Маленьких писем» А. С. Суворина подлило масла в огонь. Автор «писем» осуждал студентов и восхищался «великодушием и милостью» царя, назначившего комиссию для расследования причин студенческих забастовок. Это лакейское выступление вызвало в демократических и либеральных кругах резкое возмущение. «Новому времени» был объявлен общественный бойкот. Союз писателей привлек Суворина к «суду чести». Редакции «Нового времени» пришлось подумать о средствах укрепления своего общественного престижа. В поисках этих средств возникла идея опереться на авторитет Толстого, поскольку до редакции дошли слухи о его будто бы отрицательном отношении к возникшим студенческим забастовкам.

4 марта 1899 г. А. А. Суворин — сын А. С. Суворина, — фактический руководитель «Нового времени», обратился к московскому фельетонисту газеты Н. М. Ежову со следующей просьбой-предложением:

«Съездите к Толстому и поговорите с ним — как он думает о студенческой нынешней стачке. Здесь среди студентов ходят листки, в которых уверяется, что Толстой будто бы „за них“ и радуется, что наконец студенты нашли средство заставить правительство сделать по-ихнему. На деле же, как я слышал, Толстой говорил студентам совсем иное, и сравнил университет с табльдотом, где для всех одно меню, а хочешь другое —

ИЛЛЮСТРАЦИЯ П. О. КОВАЛЕВСКОГО К РАССКАЗУ «ХОЗЯИН И РАБОТНИК»

Рисунок, 1890-е гг.

Музей Толстого, Москва

делай это не насилием, которое будет насилием для других обедающих. Сделайте этот визит как бы от себя, а не от редакции» (ЦГАЛИ, ф. 189, оп. 1, ед. хр. 12, лл. 9—10).

Визит был сделан. Но расчеты «Нового времени» на Толстого не оправдались. Писатель заявил о своем сочувствии студентам, хотя и мотивировал это сочувствие, главным образом тем, что они проводят защиту своих интересов «без насилия».

В бумагах Н. М. Ежова сохранился черновик его письма-отчета о результатах посещения Толстого (там же, лл. 11—12 об.). Вот что мы читаем в этом документе, датированном 9 марта 1899 г.:

«Многоуважаемый Алексей Алексеевич! Сначала о результатах моего нового визита к Л. Н. Толстому (8 марта). Толстой решительно стоит „за студентов“. Стачку учащейся молодежи он считает чем-то очень хорошим и даже разумным. Он говорит, что вступить за обиженных — подвиг. Листки будто бы существуют, и написанное в них может быть признано справедливым. Когда же я спросил Л. Н., как согласовать его противоположное мнение (тут я привел слова о табльдоте и т. д.), он отвечал: „Где вы видите разногласие? Да, я говорил о табльдоте, не отрицаю. Если студенту не нравится то блюдо, которое он получает в университете, он может уйти из этого учебного заведения, как может уйти всякий, кому не по вкусу блюдо табльдота. Разумеется, не надо делать насилия, тащить за собой тех, кому университетские блюда по вкусу. Я же, по правде сказать, всегда твержу: уходите из современного университета, потому что он неудовлетворителен. О студенческой же стачке опять и опять скажу: это прекрасное дело. Самая стачка совершалась без

насилия, это главное. Петербургских студентов обидели — товарищи прочих университетов и других высших учебных заведений отозвались сразу, дружно. Им не понравилось „меню“, университетский порядок, и они ушли — ушли все, проникнувшись одним благородным движением, ушли без насилий, с достоинством. По-моему это отрадное явление. Студенты ко мне часто приходят, я не скрываю перед ними своих мыслей, а моя речь о табльдоте, очевидно, не так понята. Все, что я говорю с вами, прошу вас ни в коем случае не печатать. Ваш фельетон относительно пушкинского праздника и меня написан верно, я не могу возразить ни против единого слова, но на этот раз наш разговор пусть будет частным. Затем я вам должен сказать...”

Тут внезапно доложили о приезде П. П. Гнедича, и Толстой сказал: проси!

Вошел Гнедич и помешал окончанию нашего разговора. Пошли речи о картинах (Толстой недоволен картиной Сурикова „Суворов“), затем дивился, почему такая бледная посредственность, как трагедия А. Толстого „Царь Федор“ имеет огромный успех, и отнес это к упадку вкусов публики; о своем романе „Воскресение“ Толстой отозвался еще суровее и назвал его „пакостью“).

Затем Гнедич уехал, стал прощаться и я. Толстой, пожимая мне руку, твердил:

— О стачке студентов говорю опять: хорошо, очень хорошо поступили молодые люди, честно, открыто, без насилия.

Таков результат моей беседы с Толстым. Я передал речь Л. Н. приблизительно, но от сути не отступил ни на йоту.

Упомянутый Толстым фельетон Н. М. Ежова «относительно пушкинского праздника» был напечатан в «Новом времени» от 6 марта 1899 г.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ А. Н. КОМАРОВА
К РАССКАЗУ «ХОЗЯИН
И РАБОТНИК»

Акварель, 1930 г.

Музей Толстого, Москва

(№ 8269). В нем автор указывал на недостоверность появившегося в одной из московских газет интервью с Толстым по поводу готовящихся торжеств к столетию со дня рождения Пушкина. Посылая этот фельетон в «Новое время», Ежов писал А. С. Суворину 3 марта: «Вчера я был у у графа Л. Н. Толстого, и он очень просил меня описать в „Новом времени“ весь наш разговор. Дело в том, что интервьюер московской газетки, назвавшись сотрудником „Русских ведомостей“ (все это — слова самого Л. Н., очень удивившегося, что статья напечатана в другой газете), был принят, поговорил о близящихся пушкинских торжествах, а потом напечатал, что будто бы граф Л. Н. Толстой так сказал: *„Не надо никаких торжеств, лучше их заменить панихидой 26 мая“*. Этого Толстой никогда не говорил и не мог сказать, потому что Толстой не поп и не ханжа.

— Вы сделаете мне большое одолжение, если снимете с меня все эти вздоры,— говорил мне Л. Н. <...> — Эту самую панихиду сам же газетный сотрудник выдумал, а я еще ему же, засмеявшись, сказал: помилуйте, какая панихида! Кто станет молиться в наш век безверия? И вдруг — не угодно ли... Непременно напечатайте в „Новом времени“ все подробно, буду вам весьма благодарен» (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, ед. хр. 1343, л. 48—48 об.).

Упоминаемая картина В. И. Сурикова «Переход Суворова через Альпы в 1799 году» экспонировалась в начале 1899 г. на 27-й Передвижной выставке.